

I.

О ЖИЗНИ.

II.

Новое жизнепонимание.

Издание „ПОСРЕДНИКА“.

Л. Н. Толстой.

I.

О ЖИЗНИ.

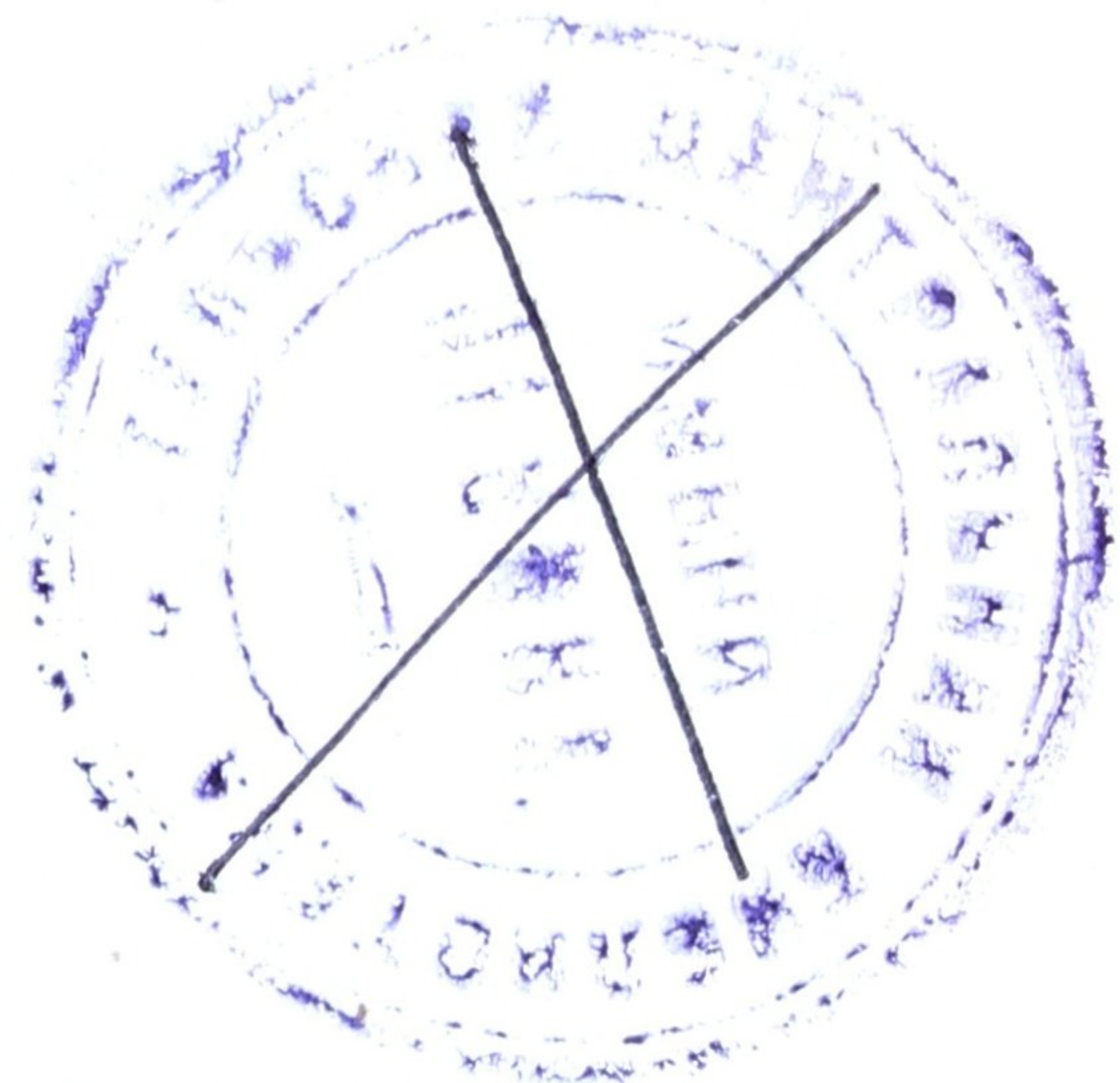
II.

Мысли о новомъ жизнепониманіи.

Издание книгоиздательства „Посредника“

№ 583.

38 г. Н/Х

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о, Пименовская ул., с. д.
Москва—1906.

МУК «Тульская
библиотечная система»

Содержаніе:

	Стр.
О жизни	2
Главы.	
Вступленіе	2
I. Основное противорѣчіе человѣческой жизни	14
II. Противорѣчіе жизни сознано человѣчествомъ съ древнѣйшихъ временъ. Просвѣтителіи человѣчества открывали людямъ опредѣ- ленія жизни, разрѣшающія это внутреннее противорѣчіе, но фа- рисеи и книжники скрываютъ ихъ отъ людей	17
III. Заблужденія книжниковъ	20
IV. Ученіе книжниковъ подѣ понятіе всей жизни человѣка подста- вляетъ видимыя явленія его животнаго существованія и изъ нихъ дѣлаетъ выводы о цѣли его жизни	22
V. Лжеученія фарисеевъ и книжниковъ не даютъ ни объясненій смысла настоящей жизни, ни руководства въ ней; единствен- нымъ руководствомъ жизни является инерція жизни, не имѣю- щая разумнаго объясненія	25
VI. Раздвоеніе сознанія въ людяхъ нашего міра	29
VII. Раздвоеніе сознанія происходитъ отъ смѣшенія жизни животнаго съ жизнью человѣческой	32
VIII. Раздвоенія и противорѣчія нѣтъ, оно является только при лож- номъ ученіи	35
IX. Рожденіе истинной жизни въ человѣкѣ	37
X. Разумъ есть тотъ сознаваемый человѣкомъ законъ, по которому должна совершаться его жизнь	39
XI. Ложное направленіе знанія	41
XII. Причина ложнаго знанія есть ложная перспектива, въ которой представляются предметы	45
XIII. Познаваемость предметовъ увеличивается не вслѣдствіе прояв- ленія ихъ въ пространствѣ и времени, а вслѣдствіе единства за- кона, которому подчиняемся мы и тѣ предметы, которые мы изучаемъ	48
XIV. Истинная жизнь человѣческая не есть то, что происходитъ въ пространствѣ и времени	52
XV. Отреченіе отъ блага животной личности есть законъ жизни че- ловѣческой	56

Главы.	Стр.
XVI. Животная личность есть орудіе жизни	59
XVII. Рожденіе духомъ	61
XVIII. Чего требуетъ разумное сознаніе	62
XIX. Подтвержденіе требованій разумнаго сознанія	65
XX. Требованіе личности кажется несовмѣстнымъ съ требованіемъ разумнаго сознанія	69
XXI. Требуется не отреченіе отъ личности, а подчиненіе ея разумному сознанію	71
XXII. Чувство любви есть проявленіе дѣятельности личности, подчиненной разумному сознанію	75
XXIII. Проявленіе чувства любви невозможно для людей, не понимающихъ смысла своей жизни	78
XXIV. Истинная любовь есть послѣдствіе отреченія отъ блага личности	85
XXV. Любовь есть единая и полная дѣятельность истинной жизни	88
XXVI. Старанія людей, направленные на невозможное улучшеніе своего существованія, лишаютъ ихъ возможности единой истинной жизни	91
XXVII. Страхъ смерти есть только сознаніе неразрѣшеннаго противорѣчія жизни	94
XXVIII. Плотская смерть уничтожаетъ пространственное тѣло и временное сознаніе, но не можетъ уничтожать того, что составляетъ основу жизни: особенное отношеніе къ міру каждаго существа	98
XXIX. Страхъ смерти происходитъ отъ того, что люди принимаютъ за жизнь одну маленькую, ихъ же ложнымъ представленіемъ ограниченную, часть ея	103
XXX. Жизнь есть отношеніе къ міру. Движеніе жизни есть установленіе новаго, высшаго отношенія, и потому смерть есть вступленіе въ новое отношеніе	106
XXXI. Жизнь умершихъ людей не прекращается въ этомъ мірѣ	109
XXXII. Суевѣріе смерти происходитъ отъ того, что человѣкъ смѣшиваетъ свои различныя отношенія къ міру	113
XXXIII. Жизнь видимая есть часть безконечнаго движенія жизни	117
XXXIV. Необъяснимость страданій земнаго существованія убѣдительно всего доказываетъ человѣку то, что жизнь его не есть жизнь личности, начавшаяся рожденіемъ и кончающаяся смертью	121
XXXV. Страданія тѣлесныя составляютъ необходимое условіе жизни и блага людей	129
Заключеніе	134
Прибавленіе 1-ое	—
Прибавленіе 2-ое	136
Прибавленіе 3-ье	138
О новомъ жизнепониманіи	141

О ЖИЗНИ.

L'homme n'est qu'un roseau, le plus faible de la nature, mais c'est un roseau pensant. Il ne faut pas que l'univers entier s'arme pour l'écraser. Une vapeur, une goutte d'eau suffit pour le tuer. Mais quand l'univers l'écraserait, l'homme serait encore plus noble que ce qui le tue, parce qu'il sait qu'il meurt: et l'avantage que l'univers a sur lui, l'univers n'en sait rien. Ainsi, toute notre dignité consiste dans la pensée. C'est de là qu'il faut nous relever, non de l'espace et de la durée. Travaillons donc à bien penser: voilà le principe de la morale.

Pascal.

Zwei Dinge erfüllen mir das Gemüth mit immer neuer und zunehmender Bewunderung und Ehrfurcht, je öfter und anhaltender sich das Nachdenken damit beschäftigt: der bestirnte Himmel über mir, und das moralische Gesetz in mir... Das erste fängt von dem Platze an, den ich in der äussern Sinnenwelt einnehme, und erweitert die Verknüpfung, darin ich stehe, ins unabsehlich Grosse mit Welten über Welten und Systemen von Systemen, überdem noch in grenzenlose Zeiten ihrer periodischen Bewegung, deren Anfang und Fortdauer. Das zweite fängt von meinem unsichtbaren Selbst, meiner Persönlichkeit an, und stellt mich in einer Welt dar, die wahre Unendlichkeit hat, aber nur dem Verstande spürbar ist, und mit welcher ich mich, nicht wie dort in blos zufälliger, sondern allgemeiner und nothwendiger Verknüpfung erkenne.

Kant, Krit. der pract. Vern. Beschluss.

„Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга“. Ев. Иоан. XII, 34.

Вступленіе.

Представимъ себѣ человѣка, котораго единственнымъ средствомъ къ жизни была бы мельница. Человѣкъ этотъ—сынъ и внукъ мельника и по преданію твердо знаетъ, какъ надо во всѣхъ частяхъ ея обращаться съ мельницей, чтобы она хорошо молола. Человѣкъ этотъ, не зная механики, прилаживалъ, какъ умѣлъ, всѣ части мельницы такъ, чтобы размоль былъ спорый, хорошій, и человѣкъ жилъ и кормился.

Но случилось этому человѣку раздуматься надъ устройствомъ мельницы, услыхатъ кое-какіе неясные толки о механикѣ, и онъ сталъ наблюдать, чтò отъ чего вертится.

И отъ порхлицы до жернова, отъ жернова до вала, отъ вала до колеса, отъ колеса до заставокъ, плотины и воды дошелъ до того, что ясно понялъ, что все дѣло въ плотинѣ и въ рѣкѣ. И человѣкъ такъ обрадовался этому открытію, что вмѣсто того, чтобы, попрежнему сличая качество выходящей муки, опускать и поднимать жернова, ковать ихъ, натягивать и ослаблять ремень, сталъ изучать рѣку. И мельница его совсѣмъ разладилась. Стали мельнику говорить, что онъ не то дѣлаетъ. Онъ спорилъ и продолжалъ разсуждать о рѣкѣ. И такъ много и долго работалъ надъ этимъ, такъ горячо и много спорилъ съ тѣми, которые показывали ему неправильность его пріема мысли, что подъ конецъ и самъ убѣдился въ томъ, что рѣка и есть самая мельница.

На всѣ доказательства неправильности его разсужденій такой мельникъ будетъ отвѣчать: никакая мельница не мелетъ безъ воды; слѣдовательно, чтобы знать мельницу, надо знать, какъ пускать воду, надо знать силу ея движенія и откуда она бе-

рется, — слѣдовательно, чтобы знать мельницу, надо познать рѣку.

Логически мельникъ неопровержимъ въ своемъ разсужденіи. Единственное средство вывести его изъ его заблужденія состоитъ въ томъ, чтобы показать ему, что въ каждомъ разсужденіи не столько важно само разсужденіе, сколько занимаемое разсужденіемъ мѣсто, т.-е., что для того, чтобы плодотворно мыслить, необходимо знать, о чемъ прежде надо мыслить и о чемъ послѣ; показать ему, что разумная дѣятельность отличается отъ безумной только тѣмъ, что разумная дѣятельность распредѣляетъ свои разсужденія по порядку ихъ важности: какое разсужденіе должно быть 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ, 10-мъ и т. д. Безумная же дѣятельность состоитъ въ разсужденіяхъ безъ этого порядка. Нужно показать ему и то, что опредѣленіе этого порядка не случайно, а зависитъ отъ той цѣли, для которой и производятся разсужденія.

Цѣль всѣхъ разсужденій и устанавливаетъ порядокъ, въ которомъ должны располагаться отдѣльные разсужденія, для того чтобы быть разумными.

И разсужденіе, не связанное съ общемою цѣлью всѣхъ разсужденій, безумно, какъ бы оно ни было логично.

Цѣль мельника въ томъ, чтобы у него былъ хорошій размоль, и эта-то цѣль, если онъ не будетъ упускать ее изъ вида, опредѣлитъ для него несомнѣнный порядокъ и послѣдовательность его разсужденій о жерновахъ, о колесѣ, плотинѣ и о рѣкѣ.

Безъ этого же отношенія къ цѣли разсужденій разсужденія мельника, какъ бы они ни были красивы и логичны, сами въ себѣ будутъ неправильны и, главное, праздны; будутъ подобны разсужденіямъ Кифы Мокіевича, разсуждавшего о томъ, какой толщины должна бы быть скорлупа слоноваго яйца, если бы слоны выводились изъ яицъ, какъ птицы.

И таковы, по моему мнѣнію, разсужденія нашей современной науки о жизни.

Жизнь есть та мельница, которую хочетъ изслѣдовать человѣкъ. Мельница нужна для того, чтобы она хорошо молола, жизнь нужна только затѣмъ, чтобы она была хорошая. И эту цѣль изслѣдованія человѣкъ не можетъ покидать ни на одно мгновеніе безнаказанно. Если онъ покинетъ ее, то его раз-

сужденія неизбѣжно потеряютъ свое мѣсто и сдѣлаются подобны разсужденіямъ Киѣы Мокіевича о томъ, какой нуженъ порохъ, чтобы пробить скорлупу слоновыхъ яицъ.

Изслѣдуетъ человѣкъ жизнь только для того, чтобы она была лучше. Такъ и изслѣдовали жизнь люди, подвигающіе впередъ человѣчество на пути знанія. Но, рядомъ съ этими истинными учителями и благодѣтелями человѣчества, всегда были и теперь есть разсудители, покидающіе цѣль разсужденія и вмѣсто нея разбирающіе вопросъ о томъ, отчего происходитъ жизнь, отчего вертится мельница. Одни утверждаютъ, что отъ воды, другіе, что отъ устройства. Споръ разгорается, и предметъ разсужденія отодвигается все дальше и дальше и совершенно замѣняется чуждыми предметами.

Есть старинная шутка о спорѣ жидовина съ христіаниномъ. Рассказывается, какъ христіанинъ, отвѣчая на запутанныя тонкости жидовина, ударилъ его ладонью по плѣши такъ, что щелкануло, и задалъ вопросъ: отъ чего щелкануло: отъ ладони или отъ плѣши? И споръ о вѣрѣ замѣнился новымъ неразрѣшимымъ вопросомъ.

Что-то подобное съ древнѣйшихъ временъ рядомъ съ истиннымъ знаніемъ людей происходитъ и по отношенію къ вопросу о жизни.

Съ древнѣйшихъ временъ извѣстны разсужденія о томъ, отъ чего происходитъ жизнь: отъ невещественнаго начала или отъ различныхъ комбинацій матеріи? И разсужденія эти продолжаютъ до сихъ поръ, такъ что не предвидится имъ никакого конца, именно потому, что цѣль всѣхъ разсужденій оставлена и разсуждается о жизни независимо отъ ея цѣли, и подъ словомъ жизнь разумѣютъ ужъ не жизнь, а то, отъ чего она происходитъ, или то, что ей сопутствуетъ.

Теперь, не только въ научныхъ книжкахъ, но и въ разговорахъ, говоря о жизни, говорятъ не о той, которую мы всѣ знаемъ, — о жизни, сознаваемой мною тѣми страданіями, которыхъ я боюсь и которыя ненавижу, и тѣми наслажденіями и радостями, которыхъ я желаю; а о чемъ-то такомъ, что, можетъ-быть, возникло изъ игры случайности по нѣкоторымъ физическимъ законамъ, а можетъ быть и отъ того, что имѣетъ въ себѣ таинственную причину.

Теперь слово «жизнь» приписывается чему-то спорному, не имѣющему въ себѣ главныхъ признаковъ жизни: сознанія страданій и наслажденій, стремленія къ благу.

«La vie est l'ensemble des fonctions, qui résistent à la mort. La vie est l'ensemble des phénomènes, qui se succèdent pendant un temps limité dans un être organisé».

«Жизнь есть двойной процессъ разложенія и соединенія, общаго и вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывнаго. Жизнь есть извѣстное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, совершающихся послѣдовательно. Жизнь есть организмъ въ дѣйствиіи. Жизнь есть особенная дѣятельность органическаго вещества. Жизнь есть приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ».

Не говоря о неточностяхъ, тавтологіяхъ, которыми наполнены всѣ эти опредѣленія, сущность ихъ всѣхъ одинакова, именно та, что опредѣляется не то, что всѣ люди одинаково безспорно разумѣютъ подъ словомъ «жизнь», а какіе-то процессы, сопутствующіе жизни и другимъ явленіямъ.

Подъ большинство этихъ опредѣленій подходитъ дѣятельность возстанавливающагося кристалла; подъ нѣкоторыя подходитъ дѣятельность броженія, гніенія, и подъ всѣ подходитъ жизнь каждой отдѣльной клѣточки моего тѣла, для которыхъ нѣтъ ничего—ни хорошаго, ни дурного. Нѣкоторые процессы, происходящіе въ кристаллахъ, въ протоплазмѣ, въ ядрѣ протоплазмы, въ клѣточкахъ моего тѣла и другихъ тѣлъ, называютъ тѣмъ словомъ, которое во мнѣ неразрывно соединено съ сознаніемъ стремленія къ моему благу.

Разсужденіе о нѣкоторыхъ условіяхъ жизни, какъ о жизни, все равно, что разсужденіе о рѣкѣ, какъ о мельницѣ. Разсужденія эти, можетъ-быть, для чего-нибудь очень нужны. Но разсужденія эти не касаются того предмета, который они хотятъ обсуживать. И потому всѣ заключенія о жизни, выводимыя изъ такихъ разсужденій, не могутъ не быть ложны.

Слово «жизнь» очень коротко и очень ясно, и всякій понимаетъ, что оно значитъ. Но именно потому, что всѣ понимаютъ, что оно значитъ, мы и обязаны употреблять его всегда въ этомъ понятномъ всѣмъ значеніи. Вѣдь слово это понятно всѣмъ не потому, что оно очень точно опредѣлено другими словами и понятіями, а напротивъ, потому, что слово это означаетъ

основное понятіе, изъ котораго выводятся многія, если не всѣ другія, понятія, и поэтому для того, чтобы дѣлать выводы изъ этого понятія, мы обязаны прежде всего принимать это понятіе въ его центральномъ, безспорномъ для всѣхъ значеніи. А это-то самое, мнѣ кажется, и было упущено спорящими сторонами по отношенію къ понятію жизни. Случилось то, что основное понятіе жизни, взятое вначалѣ не въ его центральномъ значеніи, вслѣдствіе споровъ о немъ все болѣе и болѣе удаляясь отъ основного, всѣми признаваемого центрального значенія, потеряло наконецъ свой основной смыслъ и получило другое, несоотвѣтствующее ему значеніе. Сдѣлалось то, что самый центръ, изъ котораго описывали фигуры, оставленъ и перенесенъ въ новую точку.

Спорять о томъ, есть ли жизнь въ клѣточкѣ или въ протоплазмѣ или еще ниже, въ неорганической матеріи? Но прежде чѣмъ спорить, надо спросить себя: имѣемъ ли мы право приписывать понятіе жизни клѣточкѣ?

Мы говоримъ, напримѣръ, что въ клѣточкѣ есть жизнь, что клѣточка есть живое существо. А между тѣмъ основное понятіе жизни человѣческой и понятіе той жизни, которая есть въ клѣточкѣ, суть два понятія, не только совершенно различныя, но и не соединимыя. Одно понятіе исключаетъ другое. Я открываю, что мое тѣло все безъ остатка состоитъ изъ клѣточекъ. Клѣтки эти, мнѣ говорятъ, имѣютъ то же свойство жизни, какъ и я, и суть такія же живыя существа, какъ и я; но себя я признаю живымъ только потому, что я сознаю себя со всѣми клѣточками, составляющими меня, однимъ нераздѣльнымъ живымъ существомъ. Весь же я безъ остатка, мнѣ говорятъ, составленъ изъ живыхъ клѣточекъ. Чему же я припишу свойство жизни: клѣточкамъ или себѣ? Если я допущу, что клѣтки имѣютъ жизнь, то я отъ понятія жизни долженъ отвлечь главный признакъ своей жизни—сознаніе себя единымъ живымъ существомъ; если же я допущу, что я имѣю жизнь, какъ отдѣльное существо, то очевидно, что клѣточкамъ, изъ которыхъ состоитъ все мое тѣло и о сознаніи которыхъ я ничего не знаю, я никакъ не могу приписать того же свойства.

Или я живой и во мнѣ есть неживыя частицы, называемыя клѣточками, или есть сонмище живыхъ клѣточекъ, а мое сознаніе жизни не есть жизнь, а только иллюзія.

Мы вѣдь не говоримъ, что въ клѣточкѣ есть что-то такое, что мы называемъ *брызнь*, а говоримъ, что есть «жизнь». Мы говоримъ «жизнь», потому что подъ этимъ словомъ разумѣемъ не какой-то X, а вполне опредѣленную величину, которую мы знаемъ всѣ одинаково и знаемъ только изъ самихъ себя, какъ сознаніе себя съ своимъ тѣломъ единымъ, нераздѣльнымъ съ собою, и потому такое понятіе неотносимо къ тѣмъ клѣточкамъ, изъ которыхъ состоитъ мое тѣло.

Какими бы изслѣдованіями и наблюденіями ни занимался человѣкъ, для выраженія своихъ наблюденій онъ обязанъ подъ каждымъ словомъ разумѣть то, что всѣми одинаково безспорно разумѣется, а не какое-либо такое понятіе, которое ему нужно, но никакъ не сходится съ основнымъ, всѣмъ извѣстнымъ понятіемъ. Если можно слово «жизнь» употреблять такъ, что оно обозначаетъ безразлично: и свойство всего предмета, и совсѣмъ другія свойства всѣхъ составныхъ частей его, какъ это дѣлается съ клѣточкой и животнымъ, состоящимъ изъ клѣточекъ, то можно также употреблять и другія слова,—можно, напримѣръ, говорить, что такъ какъ всѣ мысли изъ словъ, а слова изъ буквъ, а буквы изъ черточекъ, то рисованіе черточекъ есть то же, что изложеніе мыслей, и потому черточки можно назвать мыслями.

Самое обычное явленіе, напримѣръ, въ научномъ мірѣ—слышать и читать разсужденія о происхожденіи *жизни* изъ игры физическихъ, механическихъ силъ.

Да едва ли не большинство научныхъ людей держится этого... затрудняюсь, какъ сказать... мнѣнія не мнѣнія, парадокса не парадокса, а скорѣе шутки или загадки.

Утверждается, что жизнь происходитъ отъ игры физическихъ и механическихъ силъ,—тѣхъ физическихъ силъ, которыя мы назвали физическими и механическими только въ противоположность понятію жизни.

Очевидно, что неправильно прилагается къ чуждымъ ему понятіямъ слово «жизнь», уклоняясь далѣе и далѣе отъ своего основного значенія, въ этомъ значеніи удалилось отъ своего центра до того, что жизнь предполагается уже тамъ, гдѣ, по нашему понятію, жизни и быть не можетъ. Утверждается подобное тому, что есть такой кругъ или шаръ, въ которомъ центръ внѣ его периферіи.

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь, которую я не могу себѣ представить иначе, какъ стремленіемъ отъ зла къ благу, происходитъ въ той области, гдѣ я не могу видѣть ни блага, ни зла. Очевидно, что центръ понятія жизни перестановленъ совсѣмъ. Мало того, слѣдя за изслѣдованіями объ этомъ чемъ-то, называемомъ жизнью, я вижу даже, что изслѣдованія эти и не касаются почти никакихъ извѣстныхъ мнѣ понятій. Я вижу цѣлый рядъ новыхъ понятій и словъ, имѣющихъ свое условное значеніе въ научномъ языкѣ, но не имѣющихъ ничего общаго съ существующими понятіями.

Извѣстное мнѣ понятіе жизни понимается не такъ, какъ всѣ понимаютъ его, и выводныя изъ него понятія тоже не сходятся съ обычными понятіями, а являются новыя, условныя понятія, получающія соотвѣтствующія выдуманная названія.

Человѣческій языкъ вытѣсняется все болѣе и болѣе изъ научныхъ изслѣдованій, и вмѣсто слова, средства выраженія существующихъ предметовъ и понятій, воцаряется научный воляпюкъ, отличающійся отъ настоящаго воляпюка только тѣмъ, что настоящій воляпюкъ общими словами называетъ существующіе предметы и понятія, а научный—несуществующими словами называетъ и несуществующія понятія.

Единственное средство умственного общенія людей есть слово, и для того, чтобы общеніе это было возможно, нужно употреблять слова такъ, чтобы при каждомъ словѣ несомнѣнно вызывались у всѣхъ соотвѣтствующія и точныя понятія. Если же можно употреблять слова, какъ попало, и подъ словами разумѣть, что намъ вздумается, то лучше ужъ не говорить, а показывать все знаками.

Я согласенъ, что опредѣлять законы міра изъ однихъ выводовъ разума безъ опыта и наблюденія есть путь ложный и ненаучный, т.-е. не могущій дать истиннаго знанія; но если изучать явленія міра опытомъ и наблюденіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ руководствоваться въ этихъ опытахъ и наблюденіяхъ понятіями не основными, общими всѣмъ, а условными, и описывать результаты этихъ опытовъ словами, которымъ можно приписывать различное значеніе, то не будетъ ли еще хуже? Самая лучшая аптека принесетъ величайшій вредъ, если ярлыки на банкахъ будутъ наклеиваться не по содержанію, а какъ удобнѣе аптекарю.

Но мнѣ скажутъ: наука и не ставитъ себѣ задачей изслѣдованія всей совокупности жизни (включая въ нее волю, желаніе блага и душевный міръ); она только дѣлаетъ отвлеченіе отъ понятія жизни тѣхъ явленій, которыя подлежатъ ея опытнымъ изслѣдованіямъ.

Вотъ это было бы прекрасно и законно. Но мы знаемъ, что это совсѣмъ не такъ въ представленіи людей науки нашего времени. Если бы было прежде всего признано понятіе жизни въ его центральномъ значеніи, въ томъ, въ которомъ всѣ его понимаютъ, и потомъ бы было ясно опредѣлено, что наука, сдѣлавъ отъ этого понятія отвлеченіе всѣхъ сторонъ его, кромѣ одной, подлежащей внѣшнему наблюденію, рассматриваетъ явленія съ одной этой стороны, для которой она имѣетъ свойственные ей методы изслѣдованія, тогда было бы прекрасно и было бы совсѣмъ другое дѣло: тогда и мѣсто, которое заняла бы наука, и результаты, къ которымъ бы мы приходили на основаніи науки, были бы совсѣмъ другіе. Надо говорить то, что есть, а не скрывать того, что мы всѣ знаемъ. Развѣ мы не знаемъ, что большинство опытно-научныхъ изслѣдователей жизни вполне увѣрены, что они изучаютъ не одну только сторону жизни, а всю жизнь.

Астрономія, механика, физика, химія и всѣ другія науки вмѣстѣ, и каждая порознь, разрабатываютъ каждая подлежащую ей сторону жизни, не приходя ни къ какимъ результатамъ о жизни вообще. Только во времена своей дикости, т.-е. неясности, неопредѣленности, нѣкоторыя науки эти пытались съ своей точки зрѣнія охватить всѣ явленія жизни и путались, сами выдумывая новыя понятія и слова. Такъ это было съ астрономіей, когда она была астрологіей, такъ было и съ химіей, когда она была алхиміей. То же происходитъ и теперь съ той опытной эволюціонной наукой, которая, рассматривая одну сторону или нѣкоторыя стороны жизни, заявляетъ притязанія на изученіе всей жизни.

Люди съ такимъ ложнымъ взглядомъ на свою науку никакъ не хотятъ признать того, что ихъ изслѣдованіямъ подлежатъ только нѣкоторыя стороны жизни, но утверждаютъ, что вся жизнь со всѣми ея явленіями будетъ изслѣдована ими путемъ внѣшняго опыта. «Если,—говорятъ они, — *психика* (они лю-

бять это неопредѣленное слово своего воляпюка) неизвѣстна еще намъ, то она будетъ намъ извѣстна». Изслѣдуя одну или нѣсколько сторонъ жизненныхъ явленій, мы узнаемъ всѣ стороны,¹ т.-е., другими словами, что если очень долго и усердно смотрѣть на предметъ съ одной стороны, то мы увидимъ предметъ со всѣхъ сторонъ и даже изъ середины.

Какъ ни удивительно такое странное ученіе, объяснимое только фанатизмомъ суевѣрія, оно существуетъ, и, какъ всякое дикое фанатическое ученіе, производитъ свое гибельное вліяніе, направляя дѣятельность человѣческой мысли на путь ложный и праздный. Гибнуть добросовѣстные труженики, посвящающіе свою жизнь на изученіе почти ненужнаго; гибнуть матеріальныя силы людей, направляясь туда, куда не нужно; гибнуть молодые поколѣнія, направляемые на самую праздную дѣятельность Кифъ Мокіевичей, возведенную на степень высшаго служенія человѣчеству.

Говорятъ обыкновенно: наука изучаетъ жизнь со всѣхъ сторонъ. Да въ томъ-то и дѣло, что у всякаго предмета столько же сторонъ, сколько радіусовъ въ шарѣ, т.-е. безъ числа, и что нельзя изучать со всѣхъ сторонъ, а надо знать, съ какой стороны важнѣе, нужнѣе и съ которой менѣе важно и менѣе нужно. Какъ нельзя подойти къ предмету сразу со всѣхъ сторонъ, такъ нельзя сразу и со всѣхъ сторонъ изучать явленія жизни. И волей-неволей устанавливается послѣдовательность. Вотъ въ ней-то и все дѣло. Послѣдовательность же эта дается только разумѣніемъ жизни.

Только правильное разумѣніе жизни даетъ должное значеніе и направленіе наукъ вообще и каждой наукѣ въ особенности, распредѣляя ихъ по важности ихъ значенія относительно жизни. Если же разумѣніе жизни не таково, какимъ оно вложено во всѣхъ насъ, то и самая наука будетъ ложная.

Не то, что мы назовемъ наукой, опредѣлить жизнь, а наше понятіе о жизни опредѣлить то, что слѣдуетъ признать наукой. И потому для того, чтобы наука была наукой, долженъ быть прежде рѣшенъ вопросъ о томъ, что есть наука и что не наука, а для этого должно быть уяснено понятіе о жизни.

Скажу откровенно всю свою мысль: мы всѣ знаемъ основной догматъ вѣры этой ложной опытной науки.

Существуетъ матерія и ея энергія. Энергія движетъ, движеніе механическое переходитъ въ молекулярное, выражается тепломъ, электричествомъ, нервной мозговой дѣятельностью. И всѣ безъ исключенія явленія жизни объясняются отношеніями энергій. Все такъ красиво, просто, ясно и, главное, удобно. Такъ что, если нѣтъ всего того, чего намъ такъ хочется и что такъ упрощаетъ всю нашу жизнь, то все это надо какъ-нибудь выдумать.

И вотъ вся моя дерзкая мысль: главная доля энергіи, страстности дѣятельности опытной науки зиждется на желаніи выдумать все то, что нужно для подтвержденія столь удобнаго представленія.

Во всей дѣятельности этой науки видишь не столько желаніе изслѣдовать явленія жизни, сколько одну, всегда присущую, заботу—доказать справедливость своего основного догмата. Что потрачено силъ на попытки объясненій происхожденія органическаго изъ неорганическаго и психической дѣятельности изъ процессовъ организма? Не переходитъ неорганическое въ органическое: поищемъ на днѣ моря—найдемъ штуку, которую назовемъ ядромъ, монерой.

И тамъ нѣтъ; будемъ вѣрить, что найдется,—тѣмъ болѣе, что къ нашимъ услугамъ цѣлая безконечность вѣковъ, куда мы можемъ спихивать все, что должно быть по нашей вѣрѣ, но чего нѣтъ въ дѣйствительности.

То же и съ переходомъ изъ органической дѣятельности въ психическую. Нѣтъ еще? Но мы вѣримъ, что будетъ, и всѣ усилія ума употребляемъ на то, чтобы доказать хоть возможность этого.

Споры о томъ, что не касается жизни, именно о томъ, отъ чего происходитъ жизнь: анимизмъ ли это, витализмъ ли, или понятіе еще особой какой силы, скрыли отъ людей главный вопросъ жизни,—тотъ вопросъ, безъ котораго понятіе жизни теряетъ свой смыслъ, и привели понемногу людей науки,—тѣхъ, которые должны вести другихъ,—въ положеніе человека, который идетъ и даже очень торопится, но забылъ, куда именно.

Но, можетъ-быть, я умышленно стараюсь не видѣть тѣхъ огромныхъ результатовъ, которые дастъ наука въ теперешнемъ ея направленіи? Но вѣдь никакіе результаты не могутъ испра-

вить ложнаго направленія. Допустимъ невозможное,—то, что все, что желаетъ познать теперешняя наука о жизни, о чемъ утверждаетъ (хотя и сама не вѣря въ это), что все это будетъ открыто; допустимъ, что все открыто, все ясно какъ день. Ясно, какъ изъ неорганической матеріи зарождается черезъ приспособленіе органическое; ясно, какъ физическія энергіи переходятъ въ чувства, волю, мысль, и все это извѣстно не только гимназистамъ, но и деревенскимъ школьникамъ.

Мнѣ извѣстно, что такія-то мысли и чувства происходятъ отъ такихъ-то движеній. Ну, и что жъ? Могу ли я или не могу руководить этими движеніями, чтобы возбуждать въ себѣ такія или другія мысли? Вопросъ о томъ, какія мнѣ надо возбуждать въ себѣ и другихъ мысли и чувства, остается не только нерѣшеннымъ, но даже незатронутымъ.

Знаю я, что люди науки не затрудняются отвѣчать на этотъ вопросъ. Рѣшеніе этого вопроса имъ кажется очень просто, какъ просто всегда кажется рѣшеніе труднаго вопроса тому человѣку, который не понимаетъ его. Рѣшеніе вопроса о томъ, какъ устроить жизнь, когда оно въ нашей власти, для людей науки кажется очень просто. Они говорятъ: устроить такъ, чтобы люди могли удовлетворять своимъ потребностямъ; наука вырабатываетъ средства, во-первыхъ, для того, чтобы правильно распредѣлять удовлетвореніе потребностей, а во-вторыхъ, средства производить такъ много и легко, что всѣ потребности легко будутъ удовлетворены, и люди тогда будутъ счастливы.

Если же спросишь, что называется потребностью и гдѣ предѣлы потребностей, то на это также просто отвѣчаютъ: наука—на то наука, чтобы распредѣлить потребности на физическія, умственные, эстетическія, даже нравственные, и ясно опредѣлить, какія потребности и въ какой мѣрѣ законны и какія и въ какой мѣрѣ незаконны.

Она со временемъ опредѣлитъ это. Если же спросить, чѣмъ руководствоваться въ опредѣленіи законности и незаконности потребностей, то на это смѣло отвѣчаютъ: изученіемъ потребностей. Но слово потребность имѣетъ только два значенія: или условія существованія,—а условій существованія каждаго предмета безчисленное количество, и потому всѣ условія не могутъ быть изучены;—или требованіе блага живымъ существомъ, по-

знаваемое и опредѣляемое только сознаніемъ и потому еще менѣе могущее быть изученнымъ опытной наукой.

Есть такое учрежденіе, корпорація, собраніе, что ли, людей или умовъ, которое непогрѣшимо и называется наука. Она все это опредѣлитъ со временемъ.

Развѣ не очевидно, что все это рѣшеніе вопроса есть только перефразированное царство Мессіи, въ которомъ роль Мессіи играетъ наука, и что для того, чтобы объясненіе такое объясняло что-нибудь, необходимо вѣрить въ догматы науки такъ же безконтрольно, какъ вѣрятъ евреи въ Мессію, что и дѣлаютъ правовѣрные науки,—съ тою только разницей, что правовѣрному еврею, представляющему себѣ въ Мессіи посланника Божія, можно вѣрить въ то, что онъ все своею властью устроить отлично; для правовѣрнаго же науки по существу дѣла нельзя вѣрить въ то, чтобы посредствомъ внѣшняго изученія потребностей можно было рѣшить главный и единственный вопросъ о жизни.

I.

Основное противорѣчіе человеческой жизни.

Живетъ всякій человѣкъ только для того, чтобы ему было хорошо, для своего блага. Не чувствуетъ человѣкъ желанія себѣ блага, — онъ и не чувствуетъ себя живущимъ. Человѣкъ не можетъ себѣ представить жизни безъ желанія себѣ блага. Жить для каждаго человѣка — все равно, что желать и достигать блага; желать и достигать блага — все равно, что жить.

Жизнь чувствуетъ человѣкъ только въ себѣ, въ своей личности, и потому сначала человѣку представляется, что благо, котораго онъ желаетъ, есть благо только его личности. Ему сначала кажется, что живетъ, истинно живетъ только онъ одинъ. Жизнь другихъ существъ представляется ему совсѣмъ не такою, какъ своя, — она представляется ему только подобіемъ жизни; жизнь другихъ существъ человѣкъ только наблюдаетъ и только изъ наблюденій узнаетъ, что они живутъ. Про жизнь другихъ существъ человѣкъ знаетъ, когда хочетъ думать о нихъ, но про себя онъ *знаетъ*, ни на секунду не можетъ перестать *знать*, что онъ живетъ, и потому настоящею жизнью представляется каждому человѣку только своя жизнь. Жизнь другихъ существъ, окружающихъ его, представляется ему только однимъ изъ условій его существованія. Если онъ не желаетъ зла другимъ, то только потому, что видъ страданія другихъ нарушаетъ его благо. Если онъ желаетъ добра другимъ, то совсѣмъ не такъ, какъ себѣ, — не для того, чтобы было хорошо тому, кому онъ желаетъ добра, а только для того, чтобы благо другихъ существъ увеличивало благо его жизни. Важно и нужно человѣку только благо въ той жизни, которую онъ чувствуетъ своею, т.-е. свое благо.

И вотъ, стремясь къ достиженію этого своего блага, человѣкъ замѣчаетъ, что благо это зависитъ отъ другихъ существъ. И, наблюдая и разсматривая эти другія существа, человѣкъ видитъ, что всѣ они—и люди и даже животныя—имѣютъ точно такое же представленіе о жизни, какъ и онъ. Каждое изъ этихъ существъ точно такъ же, какъ и онъ, чувствуетъ только свою жизнь и свое благо, считаетъ только свою жизнь важною и настоящею, а жизнь всѣхъ другихъ существъ только средствомъ для своего блага. Человѣкъ видитъ, что каждое изъ живыхъ существъ точно такъ же, какъ и онъ, должно быть готово, для своего маленькаго блага, лишитъ большого блага и даже жизни всѣ другія существа, а въ томъ числѣ и его, такъ разсуждающаго человѣка. И, понявъ это, человѣкъ невольно дѣлаетъ то соображеніе, что если это такъ,—а онъ знаетъ, что это несомнѣнно такъ,—то не одно и не десятокъ существъ, а всѣ безчисленные существа міра, для достиженія каждое своей цѣли, всякую минуту готовы уничтожить его самого, — того, для котораго одного и существуетъ жизнь. И, понявъ это, человѣкъ видитъ, что его личное благо, въ которомъ одномъ онъ понимаетъ жизнь, не только не можетъ быть легко пріобрѣтено имъ, но навѣрное будетъ отнято отъ него.

Чѣмъ дальше человѣкъ живетъ, тѣмъ больше разсужденіе это подтверждается опытомъ, и человѣкъ видитъ, что жизнь міра, въ которой онъ участвуетъ, составленная изъ связанныхъ между собою личностей, желающихъ истребить и съѣсть одна другую, не только не можетъ быть для него благомъ, но будетъ, навѣрное, великимъ зломъ.

Но мало того: если даже человѣкъ и поставленъ въ такія выгодныя условія, что онъ можетъ успѣшно бороться съ другими личностями, не боясь за свою,—очень скоро и разумъ и опытъ показываютъ ему, что даже тѣ подобія блага, которыя онъ урываетъ изъ жизни, въ видѣ наслажденій личности,—не блага, а какъ будто только образчики блага, данные ему только для того, чтобы онъ еще живѣе чувствовалъ страданія, всегда связанныя съ наслажденіями. Чѣмъ дольше живетъ человѣкъ, тѣмъ яснѣе онъ видитъ, что наслажденій все становится меньше и меньше, а скуки, пресыщенія, трудовъ, страданій все больше и больше. Но мало и этого: начиная испытывать ослабленіе

силъ и болѣзни и глядя на болѣзни и старость, смерть другихъ людей, онъ замѣчаетъ еще и то, что и самое его существованіе, въ которомъ одномъ онъ чувствуетъ настоящую, полную жизнь, каждымъ часомъ, каждымъ движеніемъ приближается къ ослабленію, старости, смерти; что жизнь его, кромѣ того, что она подвержена тысячамъ случайностей уничтоженія отъ другихъ борющихся съ нимъ существъ и все увеличивающимся страданіямъ, по самому свойству своему есть только непре-стающее приближеніе къ смерти,—къ тому состоянію, въ кото-ромъ вмѣстѣ съ жизнью личности навѣрное уничтожится всякая возможность какого бы то ни было блага личности. Человѣкъ видитъ, что онъ, его личность, то, въ чемъ одномъ онъ чув-ствуетъ жизнь, только и дѣлаетъ, что борется съ тѣмъ, съ чѣмъ нельзя бороться, — со всѣмъ міромъ; что онъ ищетъ наслажде-ній, которыя даютъ только подобіе блага и всегда кончаются страданіями, и хочетъ удержать жизнь, которую нельзя удер-жать. Человѣкъ видитъ, что онъ самъ, сама его личность,—то, для чего одного онъ желаетъ блага и жизни, — не можетъ имѣть ни блага, ни жизни. А то, что онъ желаетъ имѣть: благо и жизнь, имѣютъ только тѣ чуждыя ему существа, которыхъ онъ не чувствуетъ и не можетъ чувствовать и про существо-ваніе которыхъ онъ знать и не можетъ, и не хочетъ.

То, что для него важнѣе всего и что одно нужно ему, что—ему кажется — одно живетъ по-настоящему, его личность, то гибнетъ, то будетъ кости, черви—не онъ; а то, что для него не нужно, не важно, что онъ не чувствуетъ живущимъ, весь тотъ міръ борющихся и смѣняющихся существъ, то и есть на-стоящая жизнь, то останется и будетъ жить вѣчно. Такъ что та единственно чувствуемая человѣкомъ жизнь, для которой происходитъ вся его дѣятельность, оказывается чѣмъ-то обман-чивымъ и невозможнымъ, а жизнь внѣ его, не любимая, не чувствуемая имъ, неизвѣстная ему, и есть единая настоящая жизнь.

То, чего онъ не чувствуетъ, то только и имѣетъ тѣ свой-ства, которыя онъ одинъ желалъ бы имѣть. И это не то, что такъ представляется человѣку въ дурныя минуты его унылаго настроенія, это не представленіе, которое можно не имѣть, а это, напротивъ, такая очевидная, несомнѣнная истина, что если

мысль эта сама хоть разъ придетъ человѣку или другіе хоть разъ растолкуютъ ему ее, то онъ никогда уже не отдѣлается отъ нея, ничѣмъ не выжжетъ ее изъ своего сознанія.

II.

Противорѣчіе жизни сознано человечествомъ съ древнѣйшихъ временъ. Просвѣтители человечества открывали людямъ опредѣленія жизни, разрѣшающія это внутреннее противорѣчіе, но фарисеи и книжники скрываютъ ихъ отъ людей.

Единственная представляющаяся человѣку сначала цѣль жизни есть благо его личности, но блага для личности не можетъ быть; если бы и было въ жизни нѣчто, похожее на благо, то жизнь, въ которой одной возможно благо, жизнь личности, каждымъ движеніемъ, каждымъ дыханіемъ неудержимо влечется къ страданіямъ, къ злу, къ смерти, къ уничтоженію.

И это такъ очевидно и такъ ясно, что всякій мыслящій человѣкъ, и молодой и старый, и образованный и необразованный, всякій видитъ это. Разсужденіе это такъ просто и естественно, что оно представляется всякому человѣку разумному и съ древнѣйшихъ временъ было извѣстно человечеству.

«Жизнь человѣка, какъ личности, стремящейся только къ своему благу, среди безконечнаго числа такихъ же личностей, уничтожающихъ другъ друга и самихъ уничтожающихся, есть зло и безсмыслица, и жизнь истинная не можетъ быть такою». Съ древнѣйшихъ временъ сказалъ себѣ это человѣкъ, и это внутреннее противорѣчіе жизни человѣка съ необычайной силой и ясностью было выражено и индійскими, и китайскими, и египетскими, и греческими, и еврейскими мудрецами; и съ древнѣйшихъ временъ разумъ человѣка былъ направленъ на познаніе такого блага человѣка, которое не уничтожалось бы борьбой существъ между собою, страданіями и смертью. Въ большемъ и большемъ уясненіи этого несомнѣннаго, ненарушаемаго борьбою, страданіями и смертью блага человѣка и состоитъ все движеніе впередъ человечества съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ его жизнь.

Съ самыхъ древнихъ временъ и у самыхъ различныхъ народовъ великіе учителя человечества открывали людямъ все бо-

лѣе ясныя опредѣленія жизни, разрѣшающія ея внутреннее противорѣчіе, и указывали имъ истинное благо и истинную жизнь, свойственныя людямъ. А такъ какъ положеніе въ мірѣ всѣхъ людей одинаково, и потому одинаково для всякаго человека противорѣчіе его стремленія къ своему личному благу и сознанія невозможности его, то одинаковы, по существу, и всѣ опредѣленія истиннаго блага и потому истинной жизни, открытыя людямъ величайшими умами человечества.

«Жизнь—это распространеніе того свѣта, который для блага людей сошелъ въ нихъ съ неба», сказалъ Конфуцій за 600 лѣтъ до Р. Х.

«Жизнь—это странствованіе и совершенствованіе душъ, достигающихъ все большаго и большаго блага», сказали брамины того же времени.

«Жизнь — это отреченіе отъ себя для достиженія блаженной нирваны», сказалъ Будда, современникъ Конфуція.

«Жизнь—это путь смиренія и униженія для достиженія блага», сказалъ Лао-дзе, тоже современникъ Конфуція.

«Жизнь—это то, что вдунулъ Богъ въ ноздри человека, для того, чтобы онъ, исполняя Его законъ, получилъ благо», говоритъ еврейская мудрость.

«Жизнь — это подчиненіе разуму, дающее благо человеку», сказали стоики.

«Жизнь — это любовь къ Богу и ближнему, дающая благо человеку», сказалъ Христосъ, включая въ свое опредѣленіе всѣ предшествующія.

Таковы опредѣленія жизни, которыя за тысячи лѣтъ до насъ, указывая людямъ вмѣсто ложнаго и невозможнаго блага личности дѣйствительное, неуничтожимое благо, разрѣшаютъ противорѣчіе человеческой жизни и даютъ ей разумный смыслъ. Можно не соглашаться съ этими опредѣленіями жизни, можно предполагать, что опредѣленія эти могутъ быть выражены точнѣе и яснѣе, но нельзя не видѣть того, что опредѣленія эти таковы, что признаніе ихъ, уничтожая противорѣчіе жизни и замѣняя стремленіе къ недостижимому благу личности другимъ стремленіемъ — къ неуничтожаемому страданіями и смертью благу, даетъ жизни разумный смыслъ. Нельзя не видѣть и того, что опредѣленія эти, будучи теоретически вѣрны, под-

тверждаются и опытомъ жизни, и что милліоны и милліоны людей, признававшіе и признающіе такіа опредѣленія жизни, на дѣлѣ показывали и показываютъ возможность замѣны стремленія къ благу личности другимъ стремленіемъ къ благу такому, которое не нарушается страданіями и смертию.

Но кромѣ тѣхъ людей, которые понимали и понимаютъ опредѣленія жизни, открытыя людямъ великими просвѣтителями человѣчества, и живутъ ими, всегда было и есть огромное большинство людей, которые въ извѣстный періодъ жизни, а иногда во всю свою жизнь, жили и живутъ одною животною жизнью, не только не понимая тѣхъ опредѣленій, которыя служатъ разрѣшеніемъ противорѣчія человѣческой жизни, но не видя даже и того противорѣчія ея, которое они разрѣшаютъ. И всегда были и теперь есть среди этихъ людей еще такіе люди, которые вслѣдствіе своего внѣшняго исключительнаго положенія считаютъ себя призванными руководить человѣчествомъ и, сами не понимая смысла человѣческой жизни, учили и учатъ другихъ людей жизни, которой они не понимаютъ: тому, что жизнь человѣческая есть не чтò иное, какъ личное существованіе.

Такіе ложные учителя существовали во всѣ времена и существуютъ и въ наше время. Одни исповѣдуютъ на словахъ ученія тѣхъ просвѣтителей человѣчества, въ преданіяхъ которыхъ они воспитаны, но, не понимая ихъ разумнаго смысла, обращаютъ эти ученія въ сверхъестественныя откровенія о прошедшей и будущей жизни людей и требуютъ только исполненія обрядовъ. Это ученіе фарисеевъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, т.-е. людей, учащихъ тому, что сама въ себѣ неразумная жизнь можетъ быть исправлена вѣрою въ другую жизнь, пріобрѣтаемую исполненіемъ внѣшнихъ обрядовъ.

Другіе, не признающіе возможности никакой другой жизни, кромѣ видимой, отрицаютъ всякія чудеса и все сверхъестественное и смѣло утверждаютъ, что жизнь человѣка есть не чтò иное, какъ его животное существованіе отъ рожденія и до смерти. Это ученіе книжниковъ, — людей, учащихъ тому, что въ жизни человѣка, какъ животнаго, и нѣтъ ничего неразумнаго.

И тѣ и другіе лжеучители, несмотря на то, что ученія и

тѣхъ и другихъ основаны на одномъ и томъ же грубомъ непониманіи основного противорѣчія человѣческой жизни, всегда враждовали и враждуютъ между собой. Оба ученія эти царствуютъ въ нашемъ мірѣ и, враждуя другъ съ другомъ, наполняютъ міръ своими спорами, этими самыми спорами скрывая отъ людей тѣ опредѣленія жизни, открывающія путь къ истинному благу людей, которыя уже за тысячи лѣтъ даны человѣчеству.

Фарисеи, не понимая того опредѣленія жизни, которое дано людямъ тѣми учителями, въ преданіяхъ которыхъ они воспитаны, замѣняютъ его своими лжетолкованіями о будущей жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ стараются скрыть отъ людей опредѣленія жизни другихъ просвѣтителей человѣчества, выставляя ихъ передъ своими учениками въ самомъ ихъ грубомъ и жестокомъ извращеніи, полагая тѣмъ поддержать исключительный авторитетъ того ученія, на которомъ они основываютъ свои толкованія. Единство разумнаго смысла опредѣленій жизни другихъ просвѣтителей человѣчества не представляется имъ лучшимъ доказательствомъ истинности ихъ ученія, такъ какъ оно подрываетъ довѣріе къ тѣмъ неразумнымъ лжетолкованіямъ, которыми они замѣняютъ сущность ученія.

Книжники же, и не подозрѣвая въ фарисейскихъ ученіяхъ тѣхъ разумныхъ основъ, на которыхъ они возникли, прямо отрицаютъ всякія ученія о будущей жизни и смѣло утверждаютъ, что всѣ эти ученія не имѣютъ никакого основанія, а суть только остатки грубыхъ обычаевъ невѣжества, и что движеніе впередъ человѣчества состоитъ въ томъ, чтобы не задавать себѣ никакихъ вопросовъ о жизни, выходящихъ за предѣлы животнаго существованія человѣка.

III.

Заблужденія книжниковъ.

И удивительное дѣло! То, что всѣ ученія великихъ умовъ человѣчества такъ поражали людей своимъ величіемъ, что грубые люди придавали имъ большею частью сверхъестественный характеръ и признавали основателей ихъ полубогами,—то самое, что служить главнымъ признакомъ значительности этихъ